

КТО ОПЛАТИТ ОПЕРНЫЕ СЧЕТА?

Рос. муз. газета. - 2001. - № 4. - с. 4

В Риме, Амстердаме, Мадриде и Вашингтоне есть по одному оперному театру. Нью-Йорк, Лондон, Вена и Париж могут похвастаться двумя. А вот в Берлине их целых три, что, с одной стороны, отвечает чаяниям любителей оперы, а, с другой, служит головной болью для тех, кто несет ответственность за выживание этих очагов культуры. Проще говоря, берлинцам нравится иметь три оперных театра, поддержку которых, однако, они не могут себе позволить с экономической точки зрения. Вопрос о субсидиях приобретает острый политический характер, усугубляя трения между Востоком и Западом Германии и выявляя скрытое недоверие немцев к Берлину как столице объединенной страны. Простые решения буквально тут же наталкиваются на подводные камни. Увеличить цену билетов? Пострадают менее обеспеченные жители Восточного Берлина. Закрыть один театр? Будет нанесен ущерб культурному имиджу города. Прибегнуть к корпоративному спонсированию? Частным спонсоров подозревают в низменных мотивах. Требовать увеличения федеральных субсидий? Многие немцы, помнящие о своей истории, возражают против использования налоговых средств для превращения Берлина вновь в могущественную столицу.

предложено сократить штаты и изыскать другие способы экономии. А тем временем их субсидии, покрывающие более 80% бюджета, были в сущности заморожены на одном уровне, без поправок на инфляцию и требуемого по закону ежегодного повышения заработной платы. "Оперные театры зарабатывали все меньше и меньше, испытывая острый дефицит средств, - говорит Кристоф Штёльцль, возглавляющий отдел культуры берлинского сената. - В перспективе перед ними маячило полное банкротство. В конце каждого года они обращались за дополнительными средствами в городское законодательное собрание, которое, сжав зубы, платило их долги. В марте прошлого года собрание решило, что театрами, испытывающими дефицит, должны управлять мы. И предложило нам разработать план долгосрочного спасения оперных театров".

Штёльцль начал с того, что решил: оперные театры не могут функционировать независимо друг от друга, каждый со своим оркестром, хором, солистами, балетной труппой, техническими службами. Давно уже многих беспокоило, что в Берлине разные оперные театры ставили одну и ту же оперу не только в один сезон, но также в одну неделю, а порой даже в один вечер. Штёльцль считал это непрактичным. Его план, отчасти имевший в качестве образца Парижскую оперу, объединяющую Палэ Гарнье и Опера Бастий, предусматривал слияние Штаатсопер и Дойче Опер под единым руководством. При этом более скромная по размерам Штаатсопер сосредоточила бы внимание на опере до XIX века, скажем, от Монтеверди до Моцарта, оставив романтический репертуар Дойче Опер. Штёльцль также предполагал сократить 77 позиций в новом объединенном оркестре.

Комише Опер при этом оставалась бы в своем нынешнем состоянии. Оппозиция плану Штёльцля не заставила себя ждать. Баренбойм даже пригрозил уйти. "Это макиавеллиевский план, состряпанный западными берлинцами, которые по-прежнему управляют городом, - заявил он. - Нам предложили закрыть Штаатсопер на реконструкцию на 4 года, а затем открыть ее в 2006 году, уменьшив оркестр. Они готовы были уничтожить Штаатскапеллу". Драматизм ситуации нарастал. Баренбойм организовал кампанию подписей под петицией "Спасите Штаатсопер", которую поддержали видные деятели оперы со всего мира. Новый генеральный директор Дойче Опер Удо Циммерман не мог поладить с музыкальным директором Кристианом Тилеманом. И в довершение всего лидер местных христианских демократов Клаус Ландовский заявил: "С одной стороны, вы

имеете молодого фон Караяна в лице Тилемана, с другой - еврея Баренбойма". Баренбойм был возмущен и отказался принять извинения Ландовского, пытавшегося смягчить ситуацию утверждением, что он всего лишь хотел подчеркнуть культурное многообразие нового Берлина. "Если вы желаете говорить обо мне, оставьте в покое мое еврейство", - заявил дирижер. Федеральные и местные власти испугались, что Баренбойм может выдвинуть антисемитизм в качестве причины своего ухода из Штаатсопер. В ноябре минувшего года, явно стараясь уласлить его, федеральное правительство выделило театру субсидию в 1,75 миллионов долларов для приведения зарплаты музыкантов Штаатскапеллы в соответствие с той, какую платят оркестрантам в Дойче Опер. Два оставшихся театра сочли это проявлением фаворитизма.

Наконец, в конце ноября, после того, как Съезд директоров немецких оперных театров отверг план объединения двух театров, от него окончательно отказались. Баренбойм прекратил разговоры об отставке и начал переговоры об обновлении нынешнего контракта, срок которого истекает в следующем году. На сей раз, правда, речь идет только об обязанностях музыкального директора. В Дойче Опер тоже было объявлено перемирие, и Циммерман согласился обновить контракт Тилемана. Однако пред Штёльцлем по-прежнему маячит вопрос: кто будет оплачивать счета? Радикальные меры, заключает он, оказались политически нежизнеспособными. "Если закрыть культурное учреждение на Востоке, нас упреknут в том, что западные колонисты хотят удушить культуру Востока. А если закрыть что-нибудь в Западном Берлине, будут сетовать на то, что за объединение должен расплачиваться Запад".

*По материалам
зарубежной прессы подготовил
Владимир Нестев*